

А.Г. ОСИПОВ

Можно ли использовать понятие “расизм” в качестве аналитической категории?*

Так сложилось, что современная ситуация в России перманентно воспроизводит наглядные и часто сопряженные с насилием проявления того, что принято считать расизмом. Слова “расизм” и “дискриминация” на слуху у россиян, но это, увы, не играет заметной роли ни в общественной, ни в политической жизни [Альтернативный... 2008]. На эту тему почти не ведутся серьезные дискуссии, а внимание общества сосредоточено в лучшем случае на проявлениях вербальной или физической агрессии, мотивированной националистическими доктринами или/и крайними формами нетерпимости. Доминирующим понятием в таком контексте выступает “экстремизм”, трактуемый как некая социальная девиация или же антигосударственная и антиобщественная активность, подавление которой – это преимущественно компетенция правоохранительных и силовых структур [Верховский, 2007].

По большому счету, у нас недостаточно прослеживается и рефлексия академического сообщества относительно упомянутых явлений. За исключением мониторинга общественного мнения, регулярно фиксирующего наличие у россиян ксенофобских настроений, глубинных исследований феномена расизма в рамках социальных наук не проводится. Между тем, начнись в научном мире дискуссия на этот предмет, она, скорее всего, приобрела бы эмоциональный, но далекий от профессионализма характер. И одна из первопричин того – крайняя расплывчатость и дискурсивность самого понятия “расизм”.

Как правило, все, что с ним принято связывать, рассматривается в рамках конфликтной парадигмы, трактующей этнически мотивированные вражду, агрессию и насилие как отклонения в мышлении и поведении индивидов. Это дополняется общими отсылками к факторам структурного характера. В частности, агрессия интерпретируется как внешние проявления **конфликта между группами**, вызванного различиями в культуре, конкуренцией из-за ресурсов, миграцией и т.п. [Осипов, 2002]. Однако такая конфликтная модель при изучении темы равноправия и справедливого межэтнического взаимодействия на групповом уровне имеет серьезный изъян. В частности, можно описывать социальные проблемы конкретных групп, по умолчанию подразумевая причинно-следственную связь между соответствующей групповой принадлежностью

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта “Проблематизация социальной дискриминации в российских публичных дискурсах” (грант № 08-03-00300а).

индивидов и объективными трудностями, с которыми они могут сталкиваться. Чаще всего подобный прием используют русские националисты, реже – те, кто выступают от имени меньшинств. Пример тому – кампания в поддержку титульного населения Республики Марий Эл. Проблемы, типичные для любого депрессивного региона России, в выступлениях марийских и международных финно-угорских организаций были представлены как “нарушения прав марийского народа” [Российская... 2006].

Это, на мой взгляд, яркое свидетельство существования когнитивной и практической проблемы – вольной или невольной **эссенциализации расовой/этнической принадлежности**, которая выливается в реификацию понятия “расовая/этническая группа”. В результате используемый в качестве категории анализа термин “расизм” сам по себе, а не в силу некорректного употребления, служит препятствием для адекватного описания и понимания процессов, которые он призван объяснять. Упомянутый термин стал некой интерпретативной схемой, предлагающей готовые истолкования там, где, напротив, должны ставиться вопросы.

Тем не менее в современных исследованиях расизма за рубежом доминирует как раз эссенциалистская тенденция восприятия общества как **суммы этнических (расовых) категорий, представляющих собой социальные целостности и действующих в качестве самостоятельных акторов**. В силу чего механизмы производства неравенств различных групп (включая этнорасовые) – подлинных причин социальных коллизий – удаляются на периферию изучения или попросту выносятся за скобки¹. Именно это обстоятельство делает целесообразным рассмотрение специфики восприятия расовой или этнической категоризации научной мыслью Европы и США. Ибо вероятные сценарии освоения понятия “расизм” академическим сообществом России, если изменения политического климата сделают это возможным, дают все основания полагать, что на нашей почве упомянутый проблематичный тренд может оказаться наиболее востребованным.

Начну с констатации факта: в мировом сообществе сложилась практика гипостазированного использования термина “расизм”. К этой категории относят самые разные идеи и практики (от индивидуальных предубеждений до организованного насилия), основанные на выведении социальных характеристик людей из их принадлежности к группам, которые выделяются по признакам физического облика, происхождения и культуры [Marshall, 1998, p. 548–549]. Идущий поверх национальных контекстов разговор о расизме касается различных, а не только основанных на биологизации, форм и способов описания и институционализации – формальной и неформальной – различий, связанных с происхождением и культурой. Предикаты “расовый” и “этнический” оказываются широкими и многозначными определениями. В итоге категория “расизм” превращается в своеобразный “понятийный контейнер” – некую словесную оболочку, наполняемую по ситуации различным содержанием. Впрочем, нет необходимости в более пространным комментировании многозначности и широты понятия “расизм”: все издержки расширительного (концептуальная инфляция) и избирательного (концептуальная дефляция) применения данного термина подробно изложены Р. Майлзом [Майлз, Браун, 2004, с. 74, 93]².

Между тем непредвзятый наблюдатель, обращающийся к темам “неравенство по этническому признаку” или “расизм”, видит в действительности весьма разные явления и процессы, располагающиеся в очень широком диапазоне. Эти феномены

¹ Я намеренно воздерживаюсь здесь от более детальной критики эссенциалистских истолкований термина “расизм”, сделанной А. Уиммером [Wimmer, 1997, p. 18]. Подчеркну лишь, что реификация понятий расовой принадлежности или расовой группы есть не столько **одно** из возможных истолкований, вытекающих из широты и неопределенности термина, сколько **неизбежность**, вызванная его употреблением в сложившемся социальном и эпистемиологическом контексте вообще.

² Кстати, то же самое можно сказать относительно понятия “дискриминация”. Помимо юриспруденции, оно применяется и в социологии, означая в общих чертах социальную категоризацию людей, навязывающую им определенные роли [Rex, 1983, p. 117]. Иначе говоря, этот термин, как и “расизм”, имеет размытую область значений.

можно разделить на три группы: 1) дискурсы (как “высокий”, так и обыденный); 2) исключительное поведение (собственно дискриминацию как избирательное действие или бездействие определенных акторов); 3) диспропорции в обладании ресурсами или в показателях социальной мобильности. Поскольку этничность или расовая принадлежность во многих социумах приобрели устойчивую институционализацию, то этнические категоризации начинают охватывать самые разные области общественной жизни и деятельности. Отсюда берет начало тенденция к количественному определению и фиксации этнической принадлежности и соответствующему подсчету или оценке социальных неравенств между этническими группами³.

Проблема, однако, состоит в том, что все три категории – дискурсы, исключительные действия и диспропорции – проявляются в самых различных формах, и большинство этих проявлений открыто для интерпретаций. Если взять *дискурсы*, то в чистом виде язык вражды, то есть высказывания, однозначно несущие в себе вербальную агрессию или негативные оценки групп, – достаточно редкое явление. Гораздо чаще можно встретить речевые конструкции, содержащие этнические или расовые классификации, которые корректнее было бы назвать языковыми асимметриями. Кроме того, классификации нередко проводятся не по собственно этническим или расовым, а по смежным признакам (вроде гражданства, иммиграционного статуса, социального происхождения и пр.) и этнический смысл проявляется только контекстуально, и не сам по себе, а через посредничество внешних интерпретаторов.

Аналогично *исключающие практики* могут быть, во-первых, латентными, во-вторых, вызванными самыми разными мотивациями. Нет нужды говорить, что многие жизненные ситуации предполагают выбор, который одно лицо делает в отношении других лиц, и далеко не всегда мотивы такого выбора однозначны и тем более верифицируемы со стороны внешнего наблюдателя.

Наконец, *диспропорции и стратификация общества* имеют в своей основе совокупность разных причин, в том числе распределение социального капитала. То, что внешний наблюдатель оценивает как неравенство в положении этнических групп, может быть просто корреляцией, связанной, например, с характером расселения, разными темпами урбанизации, неодинаковой возрастной структурой, историей иммиграции и пр.

Но вопреки вроде бы достаточно очевидным вещам, в мировом сообществе продолжает доминировать тенденция употреблять термины “расизм” и “дискриминация” в трактовке и значении, как минимум, полувековой давности. Тогда во многих частях Земли дискриминация носила открытый, массовый и организованный характер и была санкционирована законом, государственной политикой и обосновывалась расистской в узком смысле идеологией – представлением об иерархии расовых или этнических групп. Колониализм, основанный на формальном неравенстве и сегрегации разных народов, апартеид на Юге Африки, расовая дискриминация в США до принятия в 1960-х гг. актов о гражданских правах и т.п. – вот характерные тому примеры.

Однако в последние десятилетия XX в. ситуации с даже не законодательно закрепленной, а сколько-нибудь организованной и явной дискриминацией по расовому или этническому признаку в развитых странах практически исчезли. Да и в остальном мире они стали достаточно редким явлением. Правда, с прекращением институционализированной дискриминации диспропорции между группами не исчезли, и отсюда возникает соблазн распространить старые представления и объяснительные схемы на новую реальность. Поскольку есть запрос на борьбу с дискриминацией – несправедливым обращением в связи с этнической принадлежностью людей, начинает действовать принцип трактовки дискриминации как причины упомянутых неравенств.

³ Самые яркие примеры здесь – расовые категоризации в США (до середины 1960-х гг.) и графа “национальность” в бывшем СССР – социальные формы, устойчиво воспроизводящиеся государством, научным сообществом и повседневностью.

Между тем этническое измерение социальных диспропорций не поддается однозначной интерпретации. Кроме того, дискриминация, если таковая все же имеет место в наше время, становится латентной: дискриминационные мотивы исключения или неравного обращения, как правило, тщательно скрываются. Вследствие чего административная и судебная системы развитых стран принимают упрощенные механизмы доказательства этнической (расовой) дискриминации либо путем выявления соответствующих намерений, либо через результат: диспропорции между группами при трудоустройстве, в показателях поступления в учебные заведения, во владении жильем и пр. [Baldus, Cole, 1980, p. 1–52; Brooks, Carrasco, Selmi, 2000, p. 331, 433]. Функционирование подобной схемы требует принятия некоторых допущений, в частности рассмотрения любых признаков и проявлений предвзятости (например, некорректные высказывания) как указания на дискриминационные цели и мотивы. На этой основе возникает презумпция дискриминационного обращения с лицом, относимым к уязвимой группе, из которой логично вытекает перенос бремени доказательства на ответчика (не заявитель должен доказывать, что его дискриминировали, а обвиняемый обязан опровергать такую возможность).

Выведение неравенств из нейтральных в этническом или расовом аспекте интеракций породило концепцию так называемой “косвенной дискриминации” [Non-Discrimination... 2005, p. 21, 80–89]. Эта конструкция, априорно увязывающая статистически подтверждаемое неблагоприятное положение отдельных групп общества с этнорасовыми различиями, абсолютизирует последние⁴. Тут действует и бюрократическая логика – административным и судебным органам проще иметь дело не с индивидуальными спорами о равенстве, а заниматься положением конкретных больших категорий населения. Выделяя их в качестве объекта политики, проще проводить в жизнь проекты, предполагающие включение дополнительных социальных лифтов для уязвимых групп и иные меры поддержки, известные как аффирмативные действия [Affirmative... 2002; Delgado, 1998].

Устойчивость на протяжении поколений социальных диспропорций между расовыми или этническими группами требует приемлемых для широкой публики объяснений. Но так как спонтанные процессы стратификации или воспроизводство рутинных поведенческих моделей, лишенных дискриминационной мотивации, невозможно объяснить ни индивидуальными предубеждениями, ни идеологией иерархии рас, вводятся понятия “институционального”, “системного” и “структурного расизма”, которые охватывают все процессы и практики, сохраняющие неравенство, независимо от целей и мотивов участвующих в них людей [Downs, 1970; Feagin, 1977; McCrudden, 1982; Kallen, 2003]. В конечном счете по этой логике расистскими можно считать любые практики, независимо от их форм и стоящих за ними субъективных мотивов, поскольку все они так или иначе воспроизводят сложившиеся отношения и могут быть определены как неспособность и нежелание общества преодолеть расизм. Распространенное и отнюдь не самое радикальное определение “институционального расизма” приводится, например, в докладе Комиссии Макферсона 1999 г., которая должна была оценить ситуацию в полиции Лондона: «“Институциональный расизм” означает коллективную неспособность организации предоставить надлежащие и профессиональные услуги людям из-за их цвета кожи, культуры или этнического происхождения» [The Stephen... 1999, item 6.34]. Другой пример – понятие “экологического расизма”. В США политика зонирования в развитии населенных территорий в совокупности с механизмами рынка недвижимости приводит к неравному распределению экологических рисков. Хотя речь идет о сугубо рыночных процессах, они

⁴ К слову, сбор статистической информации, относящейся к этничности или расе, ведет так или иначе к формальной фиксации этих характеристик у отдельных граждан, возможно, и против их желания. М. Бэнтон отметил в этой связи, что введение в законодательство Великобритании категории “расовая группа” стало по сути “платой за возможность запретить косвенную дискриминацию” [Banton, 2002, p. 201]. В защиту этнической и расовой статистики как инструмента борьбы с дискриминацией высказывается также Д. Голдстон [Goldston, 2000; Голдстон, 2005].

объявляются “расизмом” и уже около двадцати лет служат поводом для судебных исков [The Law... 1999; Cole, 1992; Been, 1994; Gauna, 1998].

Расширение интерпретации расизма за счет включения в это понятие нейтральных практик и спонтанных процессов ведет к созданию объяснительной схемы, основанной на идее противостояния “угнетенных” и “доминирующих” расовых или этнических групп [Carmichael, Hamilton, 1967; Bell, 2000; Brooks, 1996; Feagin, Hernan, 1995; Marable, 2002]. Ее часто дополняют модели, трактующие повседневное взаимодействие людей независимо от их сознания как отношения доминирования–подчинения представителей разных этносов, гендерных групп и т.п. Образцом тут могут послужить учебники по противодействию расизму и сексизму (например, [Lopes, Thomas, 2006]). Ситуацию усугубляет некорректное привнесение в обсуждение указанных проблем культурной тематики. Таковым можно считать увязывание сохранения неравенств с различиями культур и объективными трудностями их взаимной адаптации (невозможность или нежелание носителей одной культуры приспосабливаться к нормам другой) [Neil, 1991]. Следующий логичный шаг – опрокидывание межгрупповых отношений в историю и требование компенсации для “угнетенных” групп за прошлые страдания [Weiner, 2005; Wu, 2004; Bazyler, 2003].

Такая ситуация во многом связана с тем, что логика *advocacy* (в нашем случае это политики защиты прав и интересов меньшинств), переносится полностью или частично в область академических исследований, когда “расизм” из практического понятия, то есть классификационной категории, становится инструментом научного анализа. Проблематичный тренд проявляется в следующем:

– этнические или расовые группы наделяются свойствами социального субъекта, а тема расизма осмысливается как единая структурная проблема в отношениях между группами как таковыми;

– самые разные практики независимо от формы и мотивации произвольно наделяются этническими (расовыми) смыслами, в которых перетолковываются интеракции, не имеющие этнического содержания с точки зрения их непосредственных участников;

– происходит культурализация социального и культурный релятивизм. Культура понимается как атрибут группы, с чем тесно связано, во-первых, утверждение о принципиально подчиненном положении “слабых” культур и их носителей. Во-вторых, отрицание “этнокультурной нейтральности” общества, государственных структур и т.д.

Разумеется, речь здесь идет только об одной из тенденций в дебатах вокруг “расизма”, однако она заметна и поразительно устойчива. Данный тренд проявляется в той или иной степени и в разных формах среди последователей всех социологических школ и направлений, причастных к изучению расовых отношений (неомарксизм, функционализм, теория рационального выбора, культурологические исследования, эмпирическая микросоциология и пр.)⁵.

В одних случаях упомянутым научным дисциплинам и субдисциплинам присуща недвусмысленная, осознанная реификация групп и индивидуальной принадлежности к ним, а также приписывание этнических смыслов любым аспектам межгруппового взаимодействия. Самым ярким и в чем-то карикатурный пример – работы бывшего президента Американской социологической ассоциации марксиста Д. Фиджина, представляющие собой памфлеты против “господства белого человека”. В других случаях эссенциализирующие по сути суждения носят завуалированный характер и вытекают, как правило, из концепции “институционального расизма” в ее разных ипостасях. В академической литературе “институциональный расизм” используется в тех же значениях, что и в практической политике, означая любые процессы, воспроизводящие неравенства по этнорасовому признаку [Feagin, Feagin, 2003, p. 13–24; Hughes, Kallen, 1974, p. 99–108; Pincus, 1999, p. 122–123].

⁵ Характеристику указанных направлений социологии расовых отношений подробнее см. [Miles, 1989; Майлз, Браун, 2004; Wimmer, 1997; Marshall, 1998].

Понимание расизма как отношений коллективных субъектов неизбежно ведет к избирательному отношению к проявлениям дискриминации (концептуальной дефляции в терминах Майлза) [Майлз, Браун, 2004, с. 93]. Суждение, что расизм – отношение власти, а не всякая исключочающая или репрессивная практика с этнической или расовой мотивацией, обычно подводит к разъяснению, что расистским может быть только обращение “доминирующей” группы с группой “подчиненной”, а не наоборот [Pincus, 2003, p. 5–19, 140–141]. Иногда этот тезис формулируется с предельной прямоотой: дискриминация в отношении негров – расизм, но ограничения в отношении белых таковыми не являются. Они относятся к доминирующей группе, а ущемление отдельно взятого белого не отменяет ее преимуществ [Feagin, 2001, p. 9–36, 175–234].

Приписывание этнических или расовых смыслов тем или иным социальным взаимодействиям часто имеет характер априорных утверждений. На макроуровне расизмом объявляют социальные неравенства вообще [Crossroads... 2002; Feagin, Hernan, 1995; Marable, 2002]. На микроуровне повседневные интеракции, если в них участвуют представители разных рас, оцениваются исключительно в рамках модели “подчинения–доминирования” [Essed, 1991]. Особенно много соблазнов и ловушек по части обнаружения этнических смыслов связано с расплывчатой категорией “институциональный расизм”, поскольку в нее попадают нейтральные процедуры, спонтанные процессы и бездействие общества в преодолении различий между расовыми группами. Характерный пример – изучение Р. Дженкинсом процедур найма рабочей силы в Великобритании в 1980-е гг. Считается, что оно выявило наличие у многих работодателей расовых предубеждений. Однако ограниченность мобильности и возможности найма у работников – представителей расовых меньшинств объясняются, в первую очередь, эффектом социальных сетей и наличием стереотипов “подходящего работника”, не связанных с этничностью. Тем не менее Дженкинс не дифференцирует исключочающие практики, а просто обозначает общую проблему как дискриминацию по расовому критерию [Jenkins, 1986, p. 238–241].

Иногда приходится говорить о непосредственной позиции ученых и некритическом использовании тропов, несущих в себе реифицирующие утверждения. Например, веберианец Д. Рекс делает необходимые оговорки о рисках, связанных с овеществлением понятия “расовой группы”, но при этом считает, что “характеристикой структуры расовых отношений всегда является то, что одна группа эксплуатирует другую, а не индивидуальные игроки” [Rex, 1983, p. 118].

Возможны и более изощренные формы ангажированности исследователя, в том числе неосознанной. Первая из них – подмена темы или смешение понятий. Самый наглядный пример здесь – частые упоминания об иммиграционной политике как расистской практике. Такие оценки далеки от корректности: “иностранцы” и «этнически “другие”» – это хоть и близкие, но отдельные категории, а за регулированием иммиграции стоят разные мотивации. И исследователю тут, как минимум, нужно доказать, что проблематизация иммиграции с помощью доводов правового, экономического, социального характера восходит к завуалированным появлениям идеи превосходства рас.

Другая форма – признание по умолчанию каузальных связей между социальными феноменами вместо их доказывания. Едва ли кто-то из социологов или антропологов возьмется утверждать, что между ментальным состоянием, дискурсом, деятельностью и фактически достигнутым положением существуют линейные причинно-следственные связи. При обращении к теме расизма дела обстоят по-другому: диспропорции между группами воспринимаются как указание на существование дискриминационного обращения, а асимметричные дискурсы (даже не исключочающие, а проблематизирующие “других”) описываются как признак существования дискриминационных практик.

Следующий по значению прием – изначальное отклонение или дискредитация альтернативных объяснений. Отсылки к иным, помимо расы и дискриминации, факторам как возможным причинам неравенств или же сомнения относительно масшта-

бов остроты проблемы *a priori* объявляются “отрицанием расизма” и толкуются как компонент отношений расового (этнического) доминирования [Petrova, 2000].

Постулирование этнического смысла неравенств порой приобретает форму экстравагантных утверждений, уместных разве что в листовках левых радикалов. Из этого ряда – манипуляции со словом “привилегии” и концепция “привилегий белого человека” [Feagin, Hernan, 1995; Flagg, 1993; McIntosh]. Те, на кого предположительно направлена дискриминация, рассматриваются только как правые в своих претензиях жертвы, а всякие попытки рассмотреть их реальную роль в социуме с ходу отвергаются. Выражение “*blaming the victim*”⁶ давно стало ярлыком, чей смысл – обвинение оппонента в расовой предвзятости [Ryan, 1971].

Наконец, типичное явление в академической среде – использование риторических приемов, которые на самом деле идентичны тому явлению, против которого они направлены – расизму, если под таковым понимать утверждения об обусловленности социальных характеристик индивида его этнической принадлежностью. Наверное, можно сказать, что человек, выросший в определенной среде, становится носителем особого восприятия, недоступного в одночасье тому, кто социализировался в ином окружении. Но утверждения о существовании якобы “белой” социологии, не способной нести аутентичное знание [Van Dijk, 1987, p. 15], заставляют спросить, в чем различие критиков расизма и объекта их критики.

Проблема перечисленных исследовательских подходов состоит в том, что взятые по отдельности и с оговорками многие исходные позиции и умозаключения авторов реифицирующих суждений не являются ложными. Раса или этничность в некоторых обществах институционализированы и представляют относительно устойчивые социальные формы, что и позволяет смотреть на неравенства через “этническую призму” (выражение В. Воронкова [Мир... 2002, с. 157]) и измерять их по этнической шкале. Существуют и идеологии, оправдывающие этнические иерархии и вытекающие из них репрессивные практики. Можно социологически зафиксировать массовые ксенофобские настроения, стереотипы и установки. Есть исключаящие действия, причем на деле нередко сложно провести границу между намеренной дискриминацией и исключением, вызванным иными мотивами или существующим как неосознанная рутина. Точно так же воспроизводятся и неравенства, которые можно расценивать как диспропорции этнической структуры общества, а нежелание большинства признавать это положение может быть представлено как моральная проблема. Наконец, допустимо утверждать, что существует континуум дискурсов и практик, создающих то, что в обиходе именуется расизмом – неравенство и зависимое положение представителей меньшинств [Myrdal, 1944; Simpson, Yinger, 1972].

Между тем “системный” изъян описываемых выше концепций заключается в том, что **возможность** наличия причинно-следственных связей и исследование их природы подменяется не дискутируемым признанием их **казуальности**. В результате анализ многообразия мотивов участников интеракций, внешне выглядящих как этническая избирательность, и сопутствующего поведения их участников получает примитивное истолкование. Сложная сеть отношений и смыслов упрощается и выпрямляется до противопоставления одних якобы монолитных групп другим. Расизм сводится вместо объяснения к метафоре и по сути описывается как некая субстанция, разлитая в среде доминирующей группы, как инфекция, которая ее поражает. Это не помогает анализу реальных субъективных смыслов в деятельности людей и не ведет к лучшему пониманию механизмов воспроизводства неравенств. Наконец, пожалуй, самое важное упущение – мало кто обращает внимание на ту роль, которую играет “расизм” в качестве когнитивной рамки и объяснительной модели для легитимации тех или иных дискурсов или форм поведения.

Как мне представляется, сложившееся положение вызвано сложным взаимодействием социальных и эпистемиологических факторов. Поскольку в социальном изме-

⁶ Дословно “возложение вины на жертву”. – *Ред.*

рени “расизм” – одновременно нормативный и описательный термин, аналитическая деятельность оказывается по многим причинам зависимой от некритически воспринимаемого фонового знания и давления социальной среды, которая навязывает научному сообществу логику *advocacy*. Представители последнего попадают в ситуацию, когда они не могут не оппонировать “расизму” как социальному злу. Ориентация только на лечение социальных недугов превращает науку в идеологию со всеми соответствующими ограничениями. Давление связано и с неразделенностью политического и академического дискурсов, с единством сред, где циркулируют тексты, посвященные расизму, с участием многих ученых, в том числе социологов в общественной деятельности. Не последнее обстоятельство – активная деятельность правительственных и неправительственных организаций США в продвижении по всему миру американского видения проблем расизма и дискриминации [Bourdieu, Wacquant, 1999; Bonnett, 2006].

Что касается эпистемиологических факторов, то нельзя не видеть доминирования в социологии расовых школ и течений, восходящих к нео- и постмарксизму (веберианство Д. Рекса, “критическая расовая теория” и “критический дискурс-анализ” Т. Ван Дайка, теория миросистем и пр.). Для марксистов реификации и “группизм” (термин Р. Брубейкера [Brubaker, 2002, p. 164]) вполне органичны: расовые отношения видятся как производные от общественного разделения труда; представления о классах проецируются на расы. Вероятно, играет роль и подпитка со стороны других дисциплин. Так, в случае США большой объем текстов о расизме и дискриминации производят юристы, и некритический перенос юридического дискурса в другие области достаточно распространен, хотя едва ли оправдан. Можно проследить и влияние социальной философии с коммунитаристским уклоном, которая развивает идеи “политики признания” этнокультурных групп и отрицания “этнокультурной нейтральности” государства [Taylor, 1994; Young, 1990; Kymlicka, 1995; Kymlicka, 2001].

Что важнее, сам неоднократно упоминаемый термин “расизм”, как и вся преддстория его употребления, приглашает к тому, чтобы прямо или опосредованно постулировать взаимосвязь и сущностное единство различных феноменов, причисляемых к данной категории. Объединение в контейнере под названием “расизм” дискурсивных асимметрий, исключаяющих практик с разной мотивацией, процессов стратификации, разных форм рефлексии, проблематизации существующего положения и попыток его преодоления как бы подталкивает к нахождению единого объяснения. В этом случае достоверность знания приносится в жертву социальной приемлемости. “Расизм” есть простая и понятная публике когнитивная схема, упреждающая все возможные вопросы или, как говорил по иному поводу физик Н. Бор, – “простое, легкое для понимания неверное решение”. Альтернативные же рассуждения, не предлагающие ни определенного объяснения на все случаи жизни, ни программы действия, едва ли можно назвать ликвидным товаром.

Здесь может возникнуть соблазн заключить, что понятие “расизм”, будучи проблематичным как категория анализа, вполне функционально в качестве инструмента практической политики. Это справедливо в том отношении, что идея борьбы с расизмом показала себя эффективным средством мобилизации, основой для выражения групповых интересов и заявления политических требований. Можно лишь усомниться в том, что деятельность под флагом борьбы с расизмом способна приводить к результатам, ради которых она была начата, или что издержки такой борьбы в отдельных случаях перевесят ее достижения.

В краткосрочной перспективе допущения, означающие снижение стандартов доказывания, позволяют оспаривать правовыми средствами предположительно дискриминационное обращение с людьми и дать тем, кто считают себя жертвами дискриминации, возможность защиты от подобных практик. В принципе эта схема функциональна и в отношении групп. В долгосрочной же перспективе возможные эффекты этого вызывают сомнения. Приписывание этническим (расовым) смыслов самым разным действиям и практикам дезориентирует и общественное мнение, и по-

литиков. Идея “доминирующих” и “угнетенных” групп вместе с “аффирмативными действиями” становится самовоспроизводящейся и, как ни парадоксально, закрепляющей межгрупповые границы [Thernstrom, Thernstrom, 1997, p. 537–541; Sowell, 2004^a; 2004^b; Sabbagh, 2004]. Идея же неравенства культур и этнокультурной предвзятости государства, в конечном счете, выливается в требования по установлению **разных правовых порядков для разных групп**. Широкое понимание расизма делает тупиковым общественный диалог из-за невозможности компромиссов: любая критика антирасизма должна восприниматься как попытка сохранить и воспроизвести существующие отношения неравенства. Наконец, все претензии в духе “структурного расизма”, выдвинутые от имени меньшинства, в определенный момент могут быть заявлены от лица большинства. В этой связи следует обратить внимание на феномен “культурного фундаментализма” – идеи защиты “национальной” культуры от разрушительных внешних воздействий, например, со стороны иммигрантов [Stolcke, 1995]. Словом, круг замыкается.

Кстати, с последним обстоятельством связаны опасения относительно будущего дебатов о дискриминации или расизме в России. Политическая ситуация в стране не благоприятствует обсуждению темы неравенств, а выступления в защиту каких-либо этнических групп реально способны стать поводом для преследований на основе антиэкстремистского законодательства. Однако ситуация может измениться, и широкое толкование расизма и дискриминации как неравенства между категориями населения может стать основой для заявления коллективных требований и претензий. Почва для этого полностью готова, ибо и массовое, и элитное сознание приучено видеть в этнических группах структурные основы общества и субъекты социального действия. Поскольку государство достаточно терпимо относится к русскому национализму умеренного толка, истолкование социальных проблем как проблем русского народа или рассуждения о неравноправном положении этнических русских весьма распространены в публицистической литературе. Такой подход имеет все шансы вылиться в привлекательные популистские лозунги, в том числе поддерживаемые государством. И одновременно нет оснований ожидать результативных дебатов на темы неравенств в академической среде. “Доминирующий тон в отечественных социальных науках – это ориентация на обслуживание государственных структур, что, соответственно, задает и отбор проблематики, и средства их интерпретации” [Гудков, 2006, с. 35].

* * *

Сказанное позволяет сделать следующее заключение. Использование понятия “расизм” в качестве аналитической категории требует многочисленных допущений и имеет немало ограничений, так как в социальной сфере данный термин имеет, как минимум, три разные “зоны” употребления.

Во-первых, это – юридический контекст, в котором категория “расизм” используется как нестрогий и неформальный синоним определения “дискриминация” и близких к нему понятий. В принципе, для юриспруденции термин “расизм” излишен, тогда как “дискриминация” имеет смысл и область употребления, обозначая, если пользоваться терминологией Европейского суда по правам человека, лишенное объективного и разумного основания проведение различий между людьми по определенным признакам. Вместе с тем доказанная в суде или специальном органе дискриминация по расовому критерию – это фиксация правового состояния, но не социологического факта. Так что прямой перенос этого понятия в другие социальные науки вряд ли продуктивен.

Во-вторых, “расизм” употребим как обозначение интерпретативной модели, прикладываемой к социальным неравенствам. Именно в этом качестве термин “расизм” чаще всего присутствует в публичном пространстве. Но поскольку это слово используется в таком контексте как практическая категория, в рамках научного анализа оно едва ли может применяться без кавычек.

Наконец, в-третьих, наиболее корректное использование термина “расизм” связано с областью собственно исключающих идей, дискурсов и практик, субъективная мотивация которых основана на этнорасовой категоризации. Здесь, правда, функциональность данной аналитической категории минимизируется проблемой отсутствия четких и произвольно проводимых разграничительных линий. Несложно найти идеологии, начиная с классического расизма Ж.-А. де Гобино и Х. Чемберлена, утверждающие этнические иерархии и предписывающие или оправдывающие репрессивные практики с помощью утверждения связи между социальными характеристиками людей и их этнической принадлежностью. Более проблематично выявить иные ментальные и вербальные стереотипы массового сознания или элементы дискурсов. Ведь этнические категоризации в языке могут не иметь однозначно агрессивной или репрессивной направленности. Еще труднее научно квалифицировать исключающие практики. Во-первых, во многих случаях они имеют сложную и латентную мотивацию, во-вторых, исключения, которые даже открыто и осознанно основаны на расовом делении, не обязательно преследуют репрессивные цели. В таком случае требуется либо ставить под подозрение все этнорасовые категоризации, либо изначально согласиться с их выборочной и произвольной оценкой.

По сути, когда мы говорим о научном анализе феномена “расизм”, речь должна идти об изучении корреляции этничности и социальных практик и ее влиянии на них. В любых обществах присутствуют различия, описываемые и проблематизируемые как неравенства; во многих социумах существуют институционализированные этнические категоризации, и важно понять, как пересекаются и взаимодействуют эти две области. Ориентиром в таких исследованиях может служить, например, теория расиализации – производства расовых смыслов и когнитивных рамок, основанных на представлении о расовом делении в социальных интеракциях [Omi, Winant, 1994]. Такой подход в какой-то мере делает излишним использование привычного слова “расизм”, что несколько не умаляет возможностей высказывать гражданскую позицию или защищать конкретных людей, пострадавших от ксенофобии или дискриминации. Только желательнее при этом дискриминацию – определенные деяния, в которых виновны конкретные лица, – тщательно отделять от проблематики социальной стратификации и социальной инженерии, предотвращающей маргинализацию разных сегментов общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альтернативный доклад НПО “О соблюдении Российской Федерацией Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации”, ноябрь 2007 г. (с обновлениями и дополнениями марта 2008 г.) (xeno.sova-center.ru/29481C8/B8951B5#r2).

Верховский А. Антиэкстремистское законодательство и его применение. 2007 (xeno.sova-center.ru/29481C8/9ССВ151).

Голдстон Дж. Э. Отсутствие статистических данных о расовой и этнической принадлежности как препятствие для борьбы с дискриминацией // Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности. Судебная практика и методология доказывания. М., 2005.

Гудков Л.Д. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах социальных наук // Пути России: проблемы социального познания. М., 2006.

Майлз Р., Браун М. Расизм. М., 2004.

“Мир делится на называющих и называемых”: власть и ответственность ученых // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002.

Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002.

Российская Федерация: ситуация с правами человека марийского народа в Республике Марий Эл. Февраль 2006. Совместный отчет. Международная Хельсинкская Федерация по Правам Человека (МХФ), Московская Хельсинкская Группа (МХГ) (www.mhg.ru/files/006/maryl.doc).

The Affirmative Action Debate. New York, 2002.

Baldus D. C., Cole J. Statistical Proof of Discrimination. Colorado Springs, 1980.

- Banton M.* The International Politics of Race. Cambridge (Mass.), 2002.
- Bazyler M.* The Post-Holocaust Restitution Era: Holocaust Restitution as a Model for Addressing Other Historical Injustices. Bar-Ilan University. Faculty of Law. Interdisciplinary Program for Law, Rationality, Ethnicity and Social Justice. Working Paper № 2–03. March 2003 (www.biu.ac.il/law/unger/wk_papers.html).
- Been V.* Locally Undesirable Land Uses in Minority Neighborhoods: Disproportionate Siting or Market Dynamics? // Yale Law Journal. 1994. № 7.
- Bell D.* Race, Racism, and American Law. Gaithersburg (Md), 2000.
- Bonnett A.* The Americanization of Anti-Racism: Global Power and Hegemony in Ethnic Equity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2006. № 7.
- Bourdieu P., Wacquant L.* On the Cunning of Imperialist Reason // Theory, Culture and Society. 1999. № 1.
- Brooks R.* Integration or Separation? A Strategy for Racial Equality. Cambridge (Mass.), 1996.
- Brooks R., Carrasco G., Selmi M.* Civil Rights Litigation. Durham (N.C.), 2000.
- Brubaker R.* Ethnicity without Groups // Archive Européenne de Sociologie. 2002. № 2.
- Carmichael S., Hamilton Ch.* Black Power: the Politics of Liberation in America. New York, 1967.
- Cole L.* Empowerment as the Key to Environmental Protection: the Need for Environmental Poverty Law // Ecology Law Quarterly. 1992. № 4.
- Crossroads, Directions, and a New Critical Race Theory. Philadelphia, 2002.
- Delgado R.* Ten Arguments against Affirmative Action – How Valid? // Alabama Law Review. 1998. № 1.
- Downs A.* Racism in America and How to Combat It. Washington, 1970.
- Essed P.* Understanding Everyday Racism: an Interdisciplinary Theory. London–Newbury Park (Cal), 1991.
- Feagin J.R.* Indirect Institutionalized Discrimination. A Topological Analysis // American Political Quarterly. April. 1977.
- Feagin J.R.* Racist America. Roots, Current Realities & Future Reparations. New York, 2001.
- Feagin J.R., Feagin C.B.* Racial and Ethnic Relations. Upper Saddle River (N.J.), 2003.
- Feagin J. R., Hernan V.* White Racism: the Basics. New York, 1995.
- Flagg B.* “Was Blind, but Now I See”: White Race Consciousness and the Requirement of Discriminatory Intent // Michigan Law Review. 1993. № 5.
- Gauna E.* The Environmental Justice Misfit: Public Participation and the Paradigm Paradox // Stanford Environmental Law Journal. 1998. № 3.
- Goldston J.A.* Statistics in the Combat of Racial Discrimination: a Necessary Tool (www.portal-stat.admin.ch/iaos2000/goldston_final_paper.doc).
- Hughes D., Kallen E.* The Anatomy of Racism: Canadian Dimensions. Montreal, 1974.
- Jenkins R.* Racism and Recruitment. Cambridge, 1986.
- Kallen E.* Ethnicity and Human Rights in Canada: a Human Rights Perspective on Ethnicity, Racism and Systemic Inequality. Don Mills (Ont.), 2003.
- Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
- Kymlicka W.* Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe // Can Liberal Pluralism Be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. Oxford–New York, 2001.
- The Law of Environmental Justice. Theories and Procedures to Address Disproportionate Risks. Chicago, 1999.
- Lopes T., Thomas B.* Dancing on Live Embers: Challenging Racism in Organizations. Toronto, 2006.
- Marable M.* The Great Wells of Democracy: the Meaning of Race in American Life. New York, 2002.
- Marshall G.* Dictionary of Sociology. Oxford–New York, 1998.
- McCrudden C.* Institutional Discrimination // Oxford Journal of Legal Studies. 1982. № 3.
- McIntosh P.* White Privilege: Unpacking the Invisible Knapsack (www.amptoons.com/blog/files/mcintosh.html).
- Miles R.* Racism. London–New York, 1989.
- Myrdal G.* An American Dilemma: the Negro Problem and Modern Democracy. New York, 1944.
- Neil G.* A Critique of “Our Constitution is Color-Blind” // Stanford Law Review. 1991. № 1.
- Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. London, 2005.
- Omi M., Winant H.* Racial Formation in the United States: From the 1960s to the 1990s. New York, 1994.

- Petrova D.* The Denial of Racism // Roma Rights. Newsletter of the European Roma Rights Center. 2000. № 4.
- Pincus F.* From Individual to Structural Discrimination // Race and Ethnic Conflict: Contending Views on Prejudice, Discrimination and Ethnoviolence. Boulder (Col), 1999.
- Pincus F.* Reverse Discrimination: Dismantling the Myth. Boulder (Col), 2003.
- Rex J.* Race Relations in Sociological Theory. London, 1983.
- Ryan W.* Blaming the Victim. New York, 1971.
- Sabbagh D.* Affirmative Action Policies: an International Perspective. Human Development Report Office. Background paper for HDR. 2004 (hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2004/papers/hdr2004_daniel_sabbagh.pdf).
- Simpson G., Yinger J.* Racial and Cultural Minorities: an Analysis of Prejudice and Discrimination. New York, 1972.
- Sowell T.* Affirmative Action around the World: an Empirical Study. New Haven, 2004^a.
- Sowell T.* Equality, Inequality and Fate // Human Events. 2004^b. February 23. № 10.
- The Stephen Lawrence Inquiry. Report of an Inquiry by Sir William Macpherson of Cluny. Advised by Tom Cook, the Right Reverend Dr. John Sentamu, Dr. Richard Stone. Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty. February 1999. Item 6.34 (www.archive.official-documents.co.uk/document/cm42/4262/sli-06.htm).
- Stolcke V.* Talking Culture: New Boundaries, New Rhetoric of Exclusion in Europe // Current Anthropology. 1995. № 1.
- Taylor Ch.* The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. Princeton (N.J.), 1994.
- Thernstrom S., Thernstrom A.* America in Black and White: One Nation, Indivisible. New York, 1997.
- Van Dijk T.* Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk. London–Newbury Park (Cal), 1987.
- Weiner B.A.* Sins of the Parents: the Politics of National Apologies in the United States. Philadelphia, 2005.
- Wimmer A.* Explaining Xenophobia and Racism: a Critical Review of Current Rresearch Approaches // Ethnic and Racial Studies. 1997. № 1.
- Wu E.* Reparations to African-Americans: the Only Remedy for the U.S. Government's Failure to Enforce the 13th, 14th, and 15th Amendments // Connecticut Public Interest Law Journal. 2004. № 2.
- Young I.* Justice and the Politics of Difference. Princeton (N.J.), 1990.